

Бегом
за черным
псом

МАРК Т. ДЖЕЙМС

Бегом за черным ПСОМ

иногда стоит свернуть
с правильной дороги,
чтобы найти свою

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44
Д40

Mark T. James
LA GIOIA DI CORRERE IN SALITA
© FullDay srl, 2022
Published in agreement with ELKOST
International Literary Agency and jr literary agency

Д40 **Джеймс, Марк Т.**
Бегом за черным псом. Иногда стоит свернуть с правильной дороги, чтобы найти свою / Марк Т. Джеймс ; [перевод с итальянского Ю. Гармашовой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-242153-2

Марк привык подниматься только вверх. Престижная работа, надежные отношения, уважение окружающих — его жизнь кажется безупречной. Но в тот момент, когда перед ним открывается дверь в будущее, к которому он шел много лет, он вдруг понимает: это не та жизнь, которую он хочет прожить.

Чтобы найти себя заново, ему придется оставить привычный мир и отправиться в путь. Через холмы и виноградники Италии, через страхи и сомнения, в компании очаровательного черного лабрадора Блэка Марк вспомнит о своих мечтах и о том, каково это — дышать полной грудью.

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-04-242153-2

© Гармашова Ю., перевод на русский язык, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

Я стою на вершине холма в день своего тридцатилетия. Подо мной простираются бескрайние виноградники Ланге¹ — края, который еще несколько месяцев назад я с трудом отыскал бы на карте. Почему я здесь, а не в каком-нибудь дорогом ресторане Лондона? Где моя девушка Сьюзан? Почему вместо нее рядом со мной сидит собака, которая смотрит на меня и виляет хвостом?

Как я, Марк Т. Джеймс — метр восемьдесят четыре, сорок седьмой размер ноги, компьютерный гений с двумя степенями Оксфорда — оказался в этой глуши без компьютера и в красных беговых кроссовках?

Я на единственной площади коммуны Момбаркаро, почти в самой высокой точке Ланге, откуда — просто невероятно! — видно море. Лодки лигурийских рыбаков словно прямо здесь, подо мною — если измерять расстояние биением сердца, а не километрами. Отсюда и название деревеньки: гора (monte) и лодочники (barcari).

¹ Л а н г е — историческая область в Италии, на юге Пьемонта, расположенная между провинциями Кунео и Асти, столица — город Альба. 22 июня 2014 года виноградные ландшафты Ланге были включены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

А море — вот оно: переливается сквозь обнаженные зимой и ветрами ветви деревьев. Я вижу его вдали — или только его отблеск, и меня охватывает радостное волнение.

Оглядываюсь и читаю надпись на табличке: Площадь Свободы. Невольно улыбаюсь. Неужели я добежал до свободы? Не знаю. Знаю только, что добрался сюда бегом, в горку.

Надо мной кристально чистое небо. Поднимается ветер, я делаю вдох и чувствую солоноватый запах. Это ветер принес сюда, на самый верх, соленый морской воздух, он наполняет легкие, и его порывы становятся все сильнее. Я укрываюсь от ветра в пустом баре. Собака устраивается под столом у моих ног. Бармен встречает меня улыбкой и фразой «Добро пожаловать», словно ждал меня.

Сквозь панорамные окна пробивается солнце. Я наслаждаюсь его теплом и чувствую, как по телу разливается та особая радость, которую дарит каждый подъем в гору.

Прошу воды, а бармен приносит еще и бокал бароло¹.

Нелегко объяснить и тем более понять, как я оказался в Ланге. Может, дело в том червячке, что годами подтачивал меня изнутри? Ведь в Лондоне у меня все шло как по маслу, все давалось легко: жизнь катилась по наезженной колее без малейших препятствий...

¹ Бароло — элитное красное сухое вино из итальянского региона Пьемонт, производимое 100 % из сорта винограда неббиоло.

БЕГОМ
ЗА ЧЕРНЫМ ПСОМ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Тебе что, трудно хоть раз сделать что-то по-другому? — спросил Ник.

Он считал, что новизна нас подпитывает, а привычки опустошают: если вечно делать одно и то же, превратишься в пустое место. Для меня же все было ровно наоборот: я крепко держался за свои привычки и терпеть не мог перемен — кроме тех, что случались за компьютером.

— Ты о чем?

— Я о нашей с тобой прогулке. Давай выберем другое место или другой день.

— Вторник после обеда — единственное время, когда я свободен. — У меня в руке завибрировал телефон, я глянул на экран: ладно, ничего срочного. Остановившись у памятника Веллингтону, мимо которого мы проходили каждую неделю, я еще раз утвердительно сказал: — Прости, Ник, но я могу только во вторник. К тому же Гайд-парк в паре шагов от моего дома.

— В Сент-Джеймском парке есть белки. Сядь на мотоцикл — и через пять минут будешь там.

— Ник, я езжу на мотоцикле только по воскресеньям, ты же знаешь.

И я тут же представил себя «в седле» — мчусь прочь из Лондона по проселочным дорогам и, убедившись, что

меня никто не видит, снимаю шлем, чтобы почувствовать, как ветер бьет в лицо. Мой боевой конь. Мой мотоцикл. Чтобы описать мой Brough Superior SS100 1928 года, понадобилась бы целая глава, а чтобы объяснить, что он для меня значит, пришлось бы обнажить душу.

Мотоцикл принадлежал еще моему прадеду. Тот дал ему имя — Долли — и говорил, что это его любимая подружка. Мне было лет одиннадцать, когда он сказал, что Долли достанется мне, и вписал ее в завещание. Вскоре он умер — это было самое страшное горе в моей жизни. Впервые сев «в седло», я заревел белугой: мотоцикл стал моим, но какой ценой. Утешало одно — каждый день начищать Долли до блеска, как учил прадед. Я полировал ее, заводил, прислушивался к ней, ласкал словами, а она в ответ трепетала в предвкушении приключений.

У прадеда был закадычный друг — Томас Эдвард Лоуренс, археолог и офицер разведки, тот самый Лоуренс Аравийский. Они вместе рассекали по проселочным дорогам Дорсета, каждый на своем Brough Superior, и часто менялись железными конями — мотоцикл Лоуренса был на несколько лет старше Долли. Годы лихих поездок, одна из которых закончилась трагически. Не для моего прадеда — тот вскоре после похорон друга стал католиком, единственный в семье англикан. Он говорил мне: «Хочешь гонять на мотоцикле — гоняй по воскресеньям, под крылом ангелов, настоящих, тех, что изображены в католических церквях». Я возражал: «Но ведь Лоуренс погиб в воскресенье». А он отвечал: «Вот именно».

Ник тем временем не унимался:

— Так что, приедешь на мотоцикле в Сент-Джеймский парк? Всего-то разок...

— Ник, прости, но по вторникам я не езжу на мотоцикле. И в другие дни тоже.

Я седлал Долли только по воскресеньям — это был мой личный ритуал, только мой. И я гонял. Как прадед.

Но Ник не сдавался:

— Да ладно тебе, хоть раз прокатись в другой день. — Он умел быть упорным и кого угодно мог довести до иступления, лишь бы получить свое. — Там водятся белки, понимаешь? А значит, у деревьев совсем другой запах, другая листва, даже ветер и вибрации другие. — И он пустился в пространные рассуждения о том, что леса с белками куда больше наполнены жизненной силой, чем леса без белок.

— Сьюзан позавчера сфотографировала белку. Прислала мне снимок. — Я ткнул ему телефоном под нос и с безразличным видом добавил: — Вот, смотри. Теперь доволен?

— Хватит издеваться, — Ник презрительно отвернулся. — Я говорю серьезно.

Было заметно, как его бесило, что яечно держу телефон в руках:

— Спрячь наконец эту штуковину в карман. Сколько можно!

Он зашагал вперед, не говоря больше ни слова. Обиделся. Меня всегда поражало, как легко его задеть. Мы продолжали идти молча. Ник — опустив голову, с видом оскорбленного достоинства. И это он-то — знаменитый скрипач, за которым охотятся лучшие оркестры мира.

— Брось, Ник... Я же пошутил!

Я уже пожалел о сказанном. Нельзя тыкать телефоном с фотографией белки в лицо лучшему другу, который убежден, что дерево становится настоящим деревом, только если на нем живут белки.

— Прости, я повел себя как придурок. Ты же знаешь — деревья, белки и вся эта природа никогда особо меня не интересовали. Я не собирался над тобой издеваться.

— Ладно, — буркнул он. — Хотя ты и правда редкостный придурок.

Через секунду он снова остановился и посмотрел на меня исподлобья, словно я был партитурой, написанной бездарью:

— Но вот что я хочу знать... Ты доволен своей жизнью?

— В каком смысле?

— В смысле: чего ты хочешь достичь?

— Я?

— Посмотри на себя, Марк, — Ник презрительно хмыкнул, — ты даже ответить не можешь.

Стояла поздняя зима, солнце светило тускло, но я этого не замечал. В кармане снова завибрировал телефон — вот он, мой ответ, — в телефоне, в компьютере, в моей работе брокера. Я — Волк, как тот, с Уолл-стрит, и я почти на вершине успеха.

Многие спрашивают, как я умудряюсь дружить с таким типом, как Ник Левине. Он, конечно, выдающийся музыкант, но при этом редкостный зануда — из тех, что придираются к каждому твоему слову или поступку. Словом, зануда из зануд. Сьюзан его терпеть не могла, и, если я приглашал его к нам на ужин, она выдумывала кучу неотложных дел или жаловалась на мигрень, требующую полного уединения. Впрочем, Ник тоже не был от нее в восторге — он считал ее слишком заносчивой и, когда я их познакомил, отвел меня в сторонку и первым делом спросил, взял бы я ее с собой покататься на мотоцикле.

Я ответил, что Сьюзан ни за что не сядет на мотоцикл, и он со своей фирменной ухмылкой заметил: «Вот именно!»

Но дело в том, что для меня Ник — это просто Ник, и все. Примерно через месяц после смерти прадеда в нашем классе появился новичок — косоглазый,

с желтоватой кожей, далеко не худой и с постоянной гримасой отвращения на лице, словно только что наступил в сточную канаву. Николас Ул. Левине. Учитель сообщил нам, что этот парень — математический гений, и, чтобы окончательно нас очаровать, добавил, что в свои одиннадцать с половиной лет он еще и выдающийся скрипач. Ребята попытались его задирать, но ответные удары локтями и коленями быстро дали понять, что Ник еще и чемпион по тайскому боксу.

Он стал моим соседом по парте. За целый месяц мы не сказали друг другу ни слова — я славился молчаливостью. И тогда еще не знал, что моя тетя и его отец работают вместе в университете и что тетя рассказывает его отцу обо мне абсолютно все, а тот передает Нику. Он знал обо мне кучу всего, а я о нем — ничего.

Однажды утром на уроке немецкой литературы Ник подсунул мне записку, нацарапанную корявым почерком: «Когда ты прекратишь ныть из-за прадеда?» А следом вторую: «Не собираешься же ты вечно быть размазней».

Бог знает почему, но эти слова подействовали на меня как целительный бальзам: за кажущейся грубостью я разглядел неожиданное участие — ко мне и к боли, которая меня разъедала. Кто, кроме прадеда, вообще когда-либо замечал мое существование?

Вскоре я перестал чувствовать себя самым несчастным человеком на свете и с облегчением того, кто буд-то заново научился дышать, написал на обороте первой записки: «Еще неделя — и все», а на второй: «Ни в коем случае». И передал обе Нику с той небрежностью, какая обычно бывает между старыми приятелями.

Ровно через неделю Ник заявился ко мне домой с охапкой книг и тетрадей, объявил моей ледяной тете Дафне, что теперь будет приходить каждый день делать со

мной уроки, и, когда она, не сказав на это ни слова, повернулась к нам спиной, бросил ей вслед: «Du alte Hexe»¹. Тетя сделала вид, что не расслышала, хотя немецкий был ее родным языком, и Ник об этом прекрасно знал.

С того дня в моей жизни многое изменилось. Взять хотя бы то, что Ник сумел объяснить мне математику, и мои катастрофические оценки взлетели до небес, а я в свою очередь научил его любить Историю — именно с большой буквы, — которую Ник, к моему полному недоумению, находил смертельно скучной.

Ник всегда был мастером с инквизиторским видом задавать неожиданные вопросы. Он выбивал меня из колеи, и чаще всего я не знал, что на них ответить. Так случилось и в тот день.

— Что бы ты ответил на моем месте?

— На твоем месте? — он покачал головой с добродушной улыбкой, словно я спросил полную чушь. — То есть если бы я был тобой? — Еще одна снисходительная улыбочка. — Ты правда хочешь, чтобы я поставил себя на твое место?

— Да, давай. — Надо было очень его любить, чтобы не послать к черту.

— Будь я тобой, я бы выкинул на помойку маску человека, которому все дается легко, и выбрал бы другую...

— Какую?

И тут я вздрогнул: что-то теплое и мягкое прыгнуло мне на ногу и вцепилось мертвой хваткой, восторженно мыча: «Папочка! Папочка!» Сколько ему было? Года три? Не знаю, я ничего не смыслю в детях, но наклонился к морковному хохолку, покачивающемуся у моих колен. На пухлом личике читалось торжество охотника, поймавшего добычу. Малыш продолжал

¹ «Старая ведьма» — *Пер. с нем.*

бормотать «папочка, папочка», а его десять стальных пальчиков впивались мне в бедро.

— Но...

Он ответил на мою натянутую улыбку, пуская слюнявые пузыри от счастья.

— Простите! — к нам неспешно приближался здоровяк в шортах с броскими заплатками и футболке с надписью «Это был я», при этом он хохотал как безумный. — Отвернешься на секунду, а этот чемпион уже дает деру, да, Фил? — Он подхватил малыша, прижал к груди и откинул голову назад, чтобы тот не ткнул ему пальцами в глаза, продолжая восторженно лепетать: «Папочка! Папочка!»

— Все из-за вашей байкерской куртки, — парень кивнул на мою куртку. — У меня точно такая же, — он погладил сына по вихрам. — Он еще маленький, вот и перепутал... Хотя ваша постарше моей будет... Что за байк у вас? — спросил он снисходительно, словно заранее был уверен, что мой мотоцикл по сравнению с его — просто рухлядь.

Я назвал модель, и смех оборвался.

— Черт возьми! — присвистнул он сквозь зубы, подозрительно меня разглядывая, будто я вру. Развернулся уходить, и малыш потянулся ко мне через его плечо, помахав ручкой: «Пока, папочка!»

— Так и не понял, зачем ты таскаешь эту старую байкерскую куртку, даже когда не садишься на мотоцикл, — сказал Ник. — Или мне стоит заподозрить, что ты вместо десяти часов за компьютером тайком рассекаешь на своей Долли?

Я пожал плечами и промолчал.

Немного погодя он продолжил:

— А сопляк довольно милый. — Ник не мог упустить случай съехидничать.